

Лапин Борис Матвеевич

Стихи на индийской границе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Матвеевич Л.**
Стихи на индийской границе / Лапин Борис Матвеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
44 с.

ISBN 978-5-519-92459-7

ISBN 978-5-519-92459-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книжке помещены наши переводы таджикских песен, распространенных в горных районах Таджикской ССР, примыкающих к границам Афганистана и Индии (Горно-Бадахшанская автономная область, Дарваз, Каратегин и т. д.).

Проезжая по горным ущельям, можно встретить целые селения, славящиеся искусством составлять песни. Это называется «назм» — «нанизывание жемчугов». Кузнецы Ванча, красные от огня, поют «рубай» и «каты», приплясывая у горна. Женщины, отряхивая в мешки, разостланные по земле, крупные ягоды тутовника, кричат на высокой ноте рифмованные запевки.

Этнографические экспедиции с большой тщательностью собирают обрядовые и религиозные песни, проходя мимо обширных богатств устной поэзии, возникшей среди крестьянской бедноты, в колхозах, среди рабочих хлопкоочистительных заводов.

Изучая, весной 1931 года, горную песню Таджикистана, мы видели две пересекающиеся линии. Влияние традиционной риторической поэзии бухарских одописцев, сказывавшееся в мертвой архитектурности

форм, переkreщивалось с воздействием новых отношений и понятий, созданных эпохой социалистической реконструкции.

Известный Хусаинов, убитый басмачами в мае 1929 года, был одним из первых в горном Таджикистане, кто объявил войну громадному давлению прошлого, заставлявшего даже гармских курсантов петь революционные гимны на рифмы, сочиненные поэтами тысячу лет назад. В эмирские времена крестьяне, распевая поэмы и «диваны» напыщенных поэтов, передаваемые на-слух от старшего к младшему,—в то же время не умели подписать свое имя, прикладывая на бумагах синий отпечаток большого пальца. Хусаинов первый обратил внимание на рождение советской революционной песни с ее новой тематикой и формой.

На улицах Сталинабада, таджикской столицы, вы видите много новых домов из стекла и бетона, старые глиняные кибитки с глиняным очагом, много фтордов и велосипедов, меньше верблюдов и горных осликов, много пиджаков, кепок, галстуков, мало халатов и ярких чалм, совсем нет закутанных в голубые мешки с черными намордниками из конского волоса женщин.

Горец привязывает коня у столба «красной чайханы» на главной улице Сталинабада. Он одет в дерюжную чалму, короткие штаны и деревянные туфли. В широком цветном полотенце, заменяющем ему пояс, завязано несколько лепешек, бумажка сельсовета с требованием на семена и ситец, пачка денег, приготовленных для закупок в городе.

Горцы с Памира, Каратегина и Дарваза, высокие, бородатые, медленные в движениях, заметно выделяются среди жителей долины. В устной поэзии советского Таджикистана горцы занимают особое место. Они создали свой жанр «стихов удивления», в которых горец впервые сталкивается с огромным миром, где строится социалистическая седьмая союзная республика.

Собирая песни горцев, мы прежде всего столкнулись с рядом песен рабочих хлопкоочистительных заводов, вернувшихся из долин, с песнями колхозников, распеваемыми во время сева и уборочной кампании с протяжным припевом «додай» и «вай-джон». С песнями, отражающими борьбу трудового дехканства с контрреволюционным басмаческим движением. Всего мы поместили 16 песен.

ЗАПЕВКА

И Самарканд и Кандагар—я видел,
И сон пустыни и базар—я видел,
И треть Мухаммедова мира—видел,
И снег высокого Памира—видел.

Копал канавы и лепил кувшины,
На спину гор я втаскивал хурджины,
И по тропе, хромая к перевалу,
Я доходил до каменной вершины.

Но никогда такого чуда я не видел,
Как Дюшамбинская железная дорога.

Треть Мухаммедова мира... По определению старинных персо-арабских географов—это совершенно точное политико-географическое понятие. «Треть мира составляют пять великих оседлых стран мусульманства—Турция, Персия (с частью Афганистана), Хорезм, Бухара и Индия». В представлении современного советского таджика понятие трети мира может иметь исключительно риторическое значение.

Я втаскивал хурджины на перевал... На тропинках Верхнего Таджикистана часто можно встретить отряд крестьян, гуськом бредущих вверх с тяжелым хурджином (переметной сумой) за плечами. Они

заносят товары в такие места, куда ни арба, ни выючная лошадь не могут проникнуть. В разделе ДОРОГИ «Народнохозяйственного плана Тадж. СССР» намечено проведение в первую очередь удобных путей в эти места.

Дюшамбинская железная дорога... Лондонский «Таймс», сообщая в 1929 году о постройке железной дороги до Сталинабада (бывшего кишлака Дюшамбе), с раздражением писал о «рельсовых путях большевиков, подобранных до самого порога Индии». Значение этой дороги огромно. Ворвавшись в середину бывшей восточной Бухары, она перекраивает начисто экономический ландшафт страны.

2

КЕМ БЫ Я ХОТЕЛ СТАТЬ

Не муллой и не купцом я хотел бы стать,
Не дервишеским слепцом я хотел бы стать,
И не сыном богача, разоде́тым в шелк,
С на́румяненным лицом, я хотел бы стать.

Не владельцем переправ я хотел бы стать,
И не жирным, как сарраф, я хотел бы стать,
И не лекарем старух, с хиной и сурьмой,
Как базарный костоправ, я хотел бы стать.

Агрономом и врачом я хотел бы стать,
Деревенским избачом я хотел бы стать,
Тем, кто взроет старый мир словом Ильича,
Как крестьянин омачом, я хотел бы стать,

И народным комиссаром, я хотел бы стать.

Дарваз Кала-и-Хумб

Кем бы я хотел стать... Эта песня сочинена популярным Мунаввар-Шо из Умарна, секретарем Кала-и-Хумбского волостного совета. Мы встретили его в одном из ущелий Дарваза, где дороги ужасны и богатство крестьянина измеряется количеством тутовых деревьев. Он сочинял революционные стихи и притчи.

Воспитанный на феодальном Саади, он восхищался им и все-таки страшился его влияния. За дальностью расстояния ему почти не приходилось печататься. Его произведения распространяются в списках. В этой песне Мунаввар-Шо пересматривает привычную иерархию таджикской судьбы, от муллы и «саррафа»—менялы и ростовщика.

Не владельцем переправ... В эмирское время переправы через горные реки отдавались на откуп бывшим писцам и отставным чиновникам бекских канцелярий. В двух-трех местах, от берега к берегу ходил канатный паром. В остальных случаях «устоишиновар»—«мастер-пловец» переправлял проезжих на бурдюках.

ПОИМКА АБДУЛЛО-ХАНА

(Локайского курбаши, бандитского главаря)

Рысью шли по узкой тропинке локайцы,
Грива шла за гривой и конь за конем.

— Хэй, Абдулло-хан, скорее возвращайся,
Довольно забавляться винтовкой и огнем!

Сказал Абдулло-хан:

— Трусливые овцы!

Кончим бой и каждый получит дастархан.

Сказали локайцы:

— Разве мы торговцы

Кровью и жилами и кожей дехкан?

Тогда Абдулло-хан вынул из подвойника

Медью обшитый английский карабин

И застрелил трех злосчастных покойников,

И повел отряд на Мазар-Ходжауддин.

Впереди усатые кулацкие дети,

Подскакивая, юргой тащили пулемет,

А сзади унылые служки из мечети

Списывали новых трех убитых в расход.

И запевали веселыми гoлoсaми
Песню o пoбeдe кудрявые бачи,
Им отвечали печальными гoлoсaми
Скрытые в арьергарде флейтисты и трубачи:

Под горой конь бежит,
По тропе погонь бежит,
Из ноздрей огонь бежит.
Гей, Абдулло-Джон!
Гей, душа, Джон, душа.
Гей, Абдулло-Джон-душа,
Эй, Абдулло-Джон-душа,
Тигр Абдулло-Джон!

Ехали дальше, к Хишонскому перевалу,
По снежному обрыву, гуськом, гуськом.
И сказали локайцы:—Чего нам не доставало,
Когда мы домовали над своим очагом?

И сказал Абдулло-хан:—Ударьте в барабаны
И коней соберите на подгорбине горы,—
Мы будем судить вас, отступники от Корана,—
И выхватил маузер из деревянной кобуры.

И вот он повел их по скалистой опушке
В последний, суровый и безрадостный поход,
А в брошенной мечети хмурые служки
Списывали новых трех убитых в расход.

И тихо, позванивая саблями о ветки,
Всю ночь сквозь бурс шел бандитский отряд,
Пока не слышали локайцы из разведки,
Как тени в ущельи ползут и говорят.

Это не тени. Это ожидает
Красная засада гиссарских дехкан.
Это не тени. Под звездой сверкает
Вороненым дулом бедняцкий наган. —

В эту темную ночь, друзья, был пойман Абдулло-хан, локайский курбаши, враг трудового народа.

Хей, Абдулло-хан... Всякое событие, имевшее место во время гражданской войны в горах, нашло могущественное отражение в песнях советского Таджикистана. История примки курбаши-головореза Абдулло-хана имеет о себе песенную «литературу» не меньшую, чем история борьбы с бандами Энвер-паши и Ибрагим-бека.

И застрелил покойников... Безымянный сочинитель песни применил здесь излюбленный в старой восточной литературе прием—он опережает события, которые должны развернуться в следующей строфе.

Вы получите дастархан... Басмаческие главари обещали обманутым дехканам, завербованным в их шайки, золото, богатство, рай на небе, «дастархан»—угощение в завоеванных кишлаках.
